

И. И. Муллонен, Д. В. Кузьмин
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Границы топонимных ареалов Карелии. Материалы атласа*

Карелия в ее современных границах не составляет единую историко-культурную зону. Есть ощутимые различия в культуре Обонежья, Приладожья и Беломорья; карельский запад отличается от русского востока; своей спецификой характеризуются этноязыковые ареалы, сформировавшиеся в бассейнах пересекающих территорию Карелии с запада на восток рек, а также бассейнах крупных озер. Вместе с тем просматриваются факты, объединяющие территорию в единое целое. Топонимия в силу присущей ей исключительной устойчивости во времени, привязки к территории, массовости способна внести свой вклад в понимание формирования этнокультурной карты Карелии. Важно также, что топоним рождается в рамках определенной системы, по определенным моделям, обусловленным географически и хронологически. Именно такая системность в сочетании с отмеченными свойствами делает топонимию надежным этноязыковым и историко-культурным источником и позволяет использовать ее для интерпретации языковой ситуации на разных хронологических срезах, истории заселения, формирования поселенческой структуры, времени переселений, этнических контактов и т. д.

В практике ономастического исследования картографирование отдельных топонимных моделей нередко, однако создание атласов, позволяющих продемонстрировать не только целый комплекс фактов, но и их взаимосвязи, ареальное наложение и оппозиции, устойчивость ареальных границ, центры инноваций и т. д., не получило распространения. Между тем оно дает в руки исследователей новые возможности для понимания этноязыковых и историко-культурных процессов, адаптационных механизмов. Исходя из этого, в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным

---

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Топонимический атлас Карелии»). Карты 1–5 и комментарии к ним подготовлены И. И. Муллонен, карта 6 – Д. В. Кузьминым.

трансформациям» в ИЯЛИ КарНЦ РАН был задуман и осуществлен пилотный проект «Топонимический атлас Карелии». Атлас включает набор из 50 карт, на которых представлены ареалы отдельных прибалтийско-финских (карельских, вепсских), русских, саамских топонимов территории Карелии. Картографированию подвергнуты как структурные, так и лексико-семантические модели, заключающие в себе этноязыковую и этноисторическую информацию. Каждая карта сопровождается комментарием, в котором приводится фактический материал, т. е. список картографированных топонимов, а также предлагается анализ выявленных ареалов (изоглоссы, характер взаимного расположения объектов с выявленными моделями названия, центры и периферии ареалов, их наложение и др.). Помимо этнокультурного содержания ареальная составляющая оказывается в ряде случаев исключительно важной и для этимологической интерпретации топоосновы.

При определении критериев отбора моделей, перспективных для картографирования, авторы исходили из того, что не любой топоним может быть использован в целях языкового и этноисторического анализа. Наиболее продуктивно использование тех моделей, которые были популярны в какой-то определенный ограниченный промежуток времени и свойственны локальной группе населения. В таком случае ареал не размыт, он имеет достаточно четкие очертания и может быть интерпретирован. Предшествующие исследования коллектива позволяют утверждать, что для целей ареального исследования полезны суффиксальные модели, поскольку каждый суффикс (или топонимный формант) имеет свой ареал. Существенную информацию возможно извлечь и из так называемой ареальной семантической оппозиции моделей, когда один и тот же признак, положенный в основу названия, выражается различными языковыми коллективами по-своему. Полезны топоосновы, в содержании которых заключена идея «культурное пространство» (топоосновы со значением ‘путь, дорога, волок’, ‘граница, край’, ‘поселение’), а также этнонимы и антропонимы-фамилии и родовые прозвища.

При создании карты-основы и обозначении общих границ территории картографирования принималось во внимание, что на протяжении всего второго тысячелетия территориальные рамки Карелии менялись. В современных границах (с незначительными изменениями) Республика Карелия существует с 1920 г. Понятно, что традиционная топонимия складывалась в период, предшествовавший появлению Карельской республики. Поэтому карта-основа охватывает территорию бывшей Олонецкой губернии, а также Кемского уезда Архангельской губернии, в рамки которых укладывается основная часть дифференцирующих при-

балтийско-финских (карельских и вепских) и русских топонимных типов. При этом территория обследования выходит за обозначенные границы на запад, захватывая значительную часть территории Финляндии, чрезвычайно показательную с точки зрения истоков целого ряда карельских моделей, а также на юг, где доходит до Белозерья, существенного в плане вепских, а также финно-угорских топонимных ареалов. Административно это территория Тихвинского, а также части Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губернии. В зону исторического вепского расселения входила также восточная часть территории Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. Подготовка карты-основы тесно связана с вопросом о выборе территориальной единицы для картографирования. В качестве таковой применительно к поздним и массовым топонимным моделям выступает волость. Традиционная волостная система административного членения, как известно, сыграла исключительно важную роль в складывании и языковых, и культурных особенностей. Положительная сторона избранного подхода состоит и в том, что значительная часть полевого и архивного, а также опубликованного в разного рода письменных источниках материала отражает ситуацию рубежа XIX–XX столетий и начала XX века – времени существования волостей. С другой стороны, хронологически ранние, а также редкие модели целесообразно отражать вне зависимости от волостных границ. Для них показательно расположение относительно водоемов, транзитных водных и водно-волоковых путей, водоразделов. Исходя из этих положений, карта-основа включает два элемента. Это, во-первых, основные водные объекты (реки, крупные озера), служившие дорогами для освоения территории в древности и средневековье, сформировавшими систему традиционного расселения и границы историко-культурных зон. Во-вторых, это административное членение, при этом за основу взято традиционное волостное деление начала XX в. В отличие от современного, оно более адекватно отражает традиционную культурно-историческую ситуацию в Карелии. На основе списков населенных мест указанных выше российских губерний подготовлена карта-основа с волостным членением (разработчик – Е. В. Ляляя, отдел ГИС-технологий Петрозаводского государственного университета). Для демонстрации ареалов, включающих территорию Финляндии, использована традиционно применяемая в историко-культурных и диалектных исследованиях карта волостного членения Финляндии начала XX в.

Для маркировки используются знаки различной конфигурации. Как правило, за каждым знаком стоит один топоним. В том случае, когда в границах волости фиксируется больше трех топонимов данной модели,

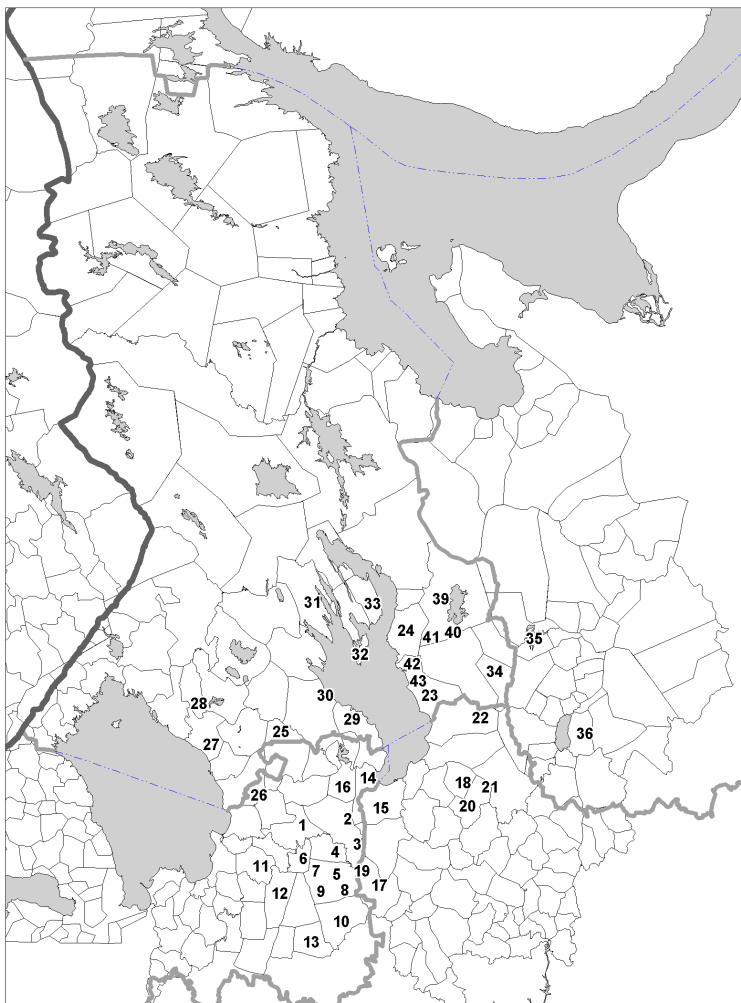
применяется более крупный по размерам знак. При массовом характере фиксаций возможно выделение ареала штриховкой.

В корпусе источников материала главная роль отведена Картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей. Планомерный сбор топонимии ведется ИЯЛИ КарНЦ РАН с 1970-х гг., накоплена одна из лучших на Северо-Западе России топонимических картотек. При этом последние 15 лет сбор географических названий ведется с использованием крупномасштабных топографических карт, что позволило активно и с хорошими результатами привлекать ареальную методику в исследовательской работе. В течение нескольких последних лет при поддержке РГНФ ведется создание географической информационно-аналитической системы «Топонимия Карелии», в ходе которой создаваемая на основе картотеки база данных последовательно связывается с электронной картой. Это позволяет проводить всесторонний ареальный анализ материала. Кроме полевых данных использованы материалы Национального архива Республики Карелия (фонды Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия, Олонецкой губернской палаты государственного имущества, Олонецкого губернского статистического комитета, уездных земельных управлений, районных землеустроителей), Российского государственного исторического архива (плановый архив Министерства земледелия), Государственного архива Архангельской области (материалы фонда 6 Архангельского губернского правления, включающие более 6300 топонимов, 1876 г.). Архивные материалы исключительно ценны в связи с исчезновением с карты Карелии на протяжении XX столетия значительного числа населенных пунктов и, следовательно, невозможностью собрать их традиционную топонимию. Для выявления ареалов ряда карельских топонимных моделей привлечены материалы топонимического архива Финляндии, хранящиеся в Научно-исследовательском центре языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus). Использованы также картографические и опубликованные источники. В настоящее время картотека имеющихся в распоряжении коллектива топонимов включает более 100 тысяч названий.

Далее предложены образцы карт ряда топонимных моделей с соответствующими комментариями.

Карта 1. Vadag' / Vadai-, Вадог- / Вадег-

1. *Vadag'* (Вадога, Верхняя Вадожка), река; *Ватозеро*, озеро; *Ватозерский мох*, болото; *Нижняя Вадожка*, река [Олон., Лодейн., Шапшин., Шапша]

Карта 1

2. *Vadajärv* (Вадаозеро), озеро; *Vadag'so* (Вадаксоболото), болото [Олон., Лодейн., Виниц., Тукшозеро]

3. *Vadaoja* ~ *Vadoja* (Вадручей), ручей [Олон., Лодейн., Виниц., Озера]

4. *Vadaoja* ~ *Vadoja* (Вадожка), ручей; *Vadaso* (Вадожное болото); *Vadaged*, покосы [Новг., Тихв., Пелдуш., Сарозеро]

5. *Vadag'oja* ~ *Vadoja* (*Вадуй*), ручей; *Vadjärv*, озеро; *Vadoiso*, болото; *Vadaged*, покосы [Новг., Тихв., Лукин., Нюрговичи]
6. *Вадога* ~ *Вадоги*, ручей [Новг., Тихв., Красноб., Красный Бор]
7. *Вадожка* ~ *Вадожний*, ручей; *Вадожное*, озеро [Новг., Тихв., Лукин., Мягичево]
8. *Вадоги*, река [Новг., Тихв., Лукин., Пялозеро]
9. *Вадожский*, ручей [Новг., Тихв., Лукин., Хундола]
10. *Vadaoja* (*Вадоя*), ручей [Новг., Тихв., Борис., Маслово]
11. *Вадожский мох*, болото [СПб., Новолад., Никол., Николаевщина]
12. *Вадога*, река [Новг., Тихв., Кунев., Пустыня]
13. *Вадозеро*, озеро [Новг., Тихв., Дерев., Симаново]
14. *Вадеги*, покос [Олон., Лодейн., Оштин., Кузра]
15. *Вадаозеро*, озеро; *Вадасельга*, урочище; *Вадаж*, покос, *Вадеги* ~ *Вадяги*, покос [Олон., Лодейн., Оштин., Курвоши]
16. *Вадручей*, ручей [Олон., Лодейн., Виниц., Шокшозеро]
17. *Вадоги*, урочище [Новг., Белоз., Киин., Керстан]
18. *Вадега*, болото [Олон., Вытег., Девят., Белый Ручей]
19. *Vadoiso*, болото [Новг., Тихв., Лукин., Рябов Конец]
20. *Бадожский Погост*, село [Олон., Вытег., Бадож., Бадожский Погост]
21. *Вада*, болото [Олон., Вытег., Бадож., Лоза]
22. *Вадеручей*, ручей; *Вадеручейский порог* [Олон., Вытег., Андом., Самино]
23. *Вадемох* ~ *Вадомих*, болото; *Бадеж*, покос [Олон., Пудож., Нигиж., Каршево]
24. *Вадеги*, покос; *Вадемох*, болото [Олон., Пудож., Авдеев., Ижгора]
25. *Vadekoski*, порог [Олон., Олон., Важин., Мошничье]
26. *Вадега* ~ *Вадога*, река [Олон., Олон., Неккул., Андреевщина]
27. *Vadaja* ~ *Vadajannurmet*, покос [Олон., Олон., Видлиц., Видлица]
28. *Vadai* ~ *Vadajennurmet* [Олон., Олон., Видлиц, Кондуш., Кавгозеро]
29. *Vadag'*, покос [Олон., Петроз., Шелт.-Бер., Васильевская]
30. *Вадоги*, урочище [Олон., Петроз., Ладвин., Деревянное]
31. *Ватнаволок*, деревня [Олон., Петроз., Кондоп., Ватнаволок]
32. *Ватлекиа*, залив [Олон., Петроз., Великог., Гарница]
33. *Вадгуба*, залив [Олон., Петроз., Толв., Типиницы]
34. *Vadajad*, покос [Олон., Олон., Тулмоз., Кормелисто]
35. *Vadailambi*, озеро; *Vadaipergivo*, покос; *Vadaiselgy*, гора [Олон., Олон., Тулмоз., Тулмозеро]
36. *Вадеги* ~ *Вадежское*, болото [Олон., Каргоп., Кеноз., Глазова]
37. *Вадога*, река; *Вадоги*, покос [Олон., Каргоп., Калитинская, Кинема]

38. *Вадоги*, покос [Волог., Вожегод., Чужга]
39. *Завадежье*, поле [Олон., Пудож, Водлоз., Пильмасоз., Паезеро]
40. *Вадыги*, уроч. [Олон., Пудож., Водлоз., Куганавол., Бостилово]
41. Нижние *Вадеги*, уроч. [Олон., Пудож., Водлоз., Куганавол., Рагно-
зеро]
42. *Вадиги*, уроч. [Олон., Пудож., Нигиж., Шальс., Дягельнаволок]

Ареал сформирован названиями небольших рек и ручьев, озер, болот, сенокосных угодий. Он наиболее плотен на вепсской территории – в южном Присвирье, на севере доходит до северного Обонежья, на востоке захватывает Каргополье, а на западе достигает восточного Приладжья. Исходя из того, что значительная часть топонимических фиксаций представлена простыми по структуре названиями, следует полагать, что топоним восходит к ландшафтному термину. Таковой действительно известен в восточных финских говорах: *vataja* ‘болотистое, поросшее кустарником или чахлым лесом место, используемое иногда под покосы’ [1]. В карельских диалектах *vataja* обозначает, как правило, ‘куст, обычно низкий и широкий’, а его производные, оформленные суффиксом с коллективной семантикой, *vadajikko* и *vadajažikko* ‘болотистое место, поросшее чахлыми березками и ивняком’ [2]. Современному вепсскому языку соответствующий термин неизвестен, однако судя по значительной продуктивности основы *Vadag* в вепсской топонимии, он бытовал в прошлом и в вепсских говорах, а функционирование ее в названиях низких, болотистых мест, используемых под сенокосы, дает представление о семантике ландшафтного термина [3]. Кроме того, подтверждением прежнего бытования слова в прибалтийско-финских языках Карелии служат русские говоры Обонежья, которым известны вадога и вадега для обозначения болотистого места [4]. Традиционно принято считать термин в севернорусских говорах производным от вадьа, которое, в свою очередь, является коми заимствованием [Фасмер]. В действительности на Русском Севере, видимо, произошла контаминация двух терминов с разными истоками: вадега, вадига ‘глубокое место реки с тихим течением; озеро’ [5], имеющего на Русском Севере преимущественно восточный ареал, и вадога ‘покосы в низких сырых местах около озер и речек, где растет главным образом осока; зарастающее лесом болото’, представленного в русских говорах Карелии и на смежных территориях Ленинградской области [6]. Если для первого допустимы коми истоки, то второй и ареально, и семантически естественнее связывать с прибалтийско-финским (вепсским) источником. Вариант *вадега* с мягким согласным второго слога мог возникнуть вследствие

воздействия замыкающего слог палатализованного согласного оригинального вепсского термина *vadag'. Вепсское *vadag' является фонетически закономерным соответствием финского vataja и карельского vadaja (ср. фин. kataja и вепс. kadag 'можжевелик', фин. диал. kajaja и вепс. kajag 'чайка' и др.). Ряд вепсских топонимов демонстрирует неустойчивость конечного согласного, однако наличие вариантов (напр., связь оз. *Vadajärv* и бол. *Vadagso* на его берегу), а также сохранение в ряде примеров гласного *a* в атрибутивном элементе сложных топонимов при последовательном его выпадении в том случае, если он замыкает двусложную основу (*Vada/järv*, *Vada/oja*, *Vada/so* неоднократно), позволяют восстанавливать исходный согласный.

При анализе ареала встает вопрос об истоках топоосновы в ливвиковском Приладожье. Здесь она известна на западных рубежах ливвиковской территории, прилегающей к восточно-финскому ареалу, где фиксируется топонимическое функционирование термина vataja [7]. В этом контексте, а также принимая во внимание фонетический облик топоосновы, отличный от того, который представлен на вепсской и смежной с ней территории (т. е. *Vadaja – Vadag'*), следует, видимо, признать самостоятельное от вепсского происхождение топонима в западных говорах ливвиковской Карелии.

Рассматриваемая карельская основа может быть реконструирована в названии расположенного в окрестностях д. Гарница на Климецком острове залива *Ватлекша*. Географическим обоснованием этимологии служит то обстоятельство, что побережье залива заболочено, причем здешние болота регулярно выкашивались. В свою очередь, фонетический облик второго элемента этого сложного по структуре прибалтийско-финского топонима (< *Vat/lekši) позволяет реконструировать усеченный атрибут до первоначального *vatai-. В собственно-карельских говорах происходило закономерное выпадение конечного -i, сопровождавшееся палатализацией следующего за -i согласного [8]. Этапы развития топонима могут быть представлены следующей схемой: *Vataja/lakši (кар. lakši 'залив') > *Vatailakši > *Vatalekši > *Vatlekši > Ватлекша. Видимо, в одном ряду с *Ватлекша* надо рассматривать и истоки топонимов *Ватгуба* (с вариантом *Вадгуба*) и *Ватнаволок* на Климецком острове (Сенн), *Вадгуба* залив с заболоченными берегами (Типин), а также название населенного пункта *Ватнаволок* в Кондопожском районе. На это указывают присущая большинству из названий карельская глухость согласного *m* в атрибутивном элементе топонимов, а также, видимо, единый заонежский ареал.

В свою очередь, в восточном Обонежье есть достаточно веские основания в пользу вепсских истоков ареала. Это, прежде всего, присутствие *z*

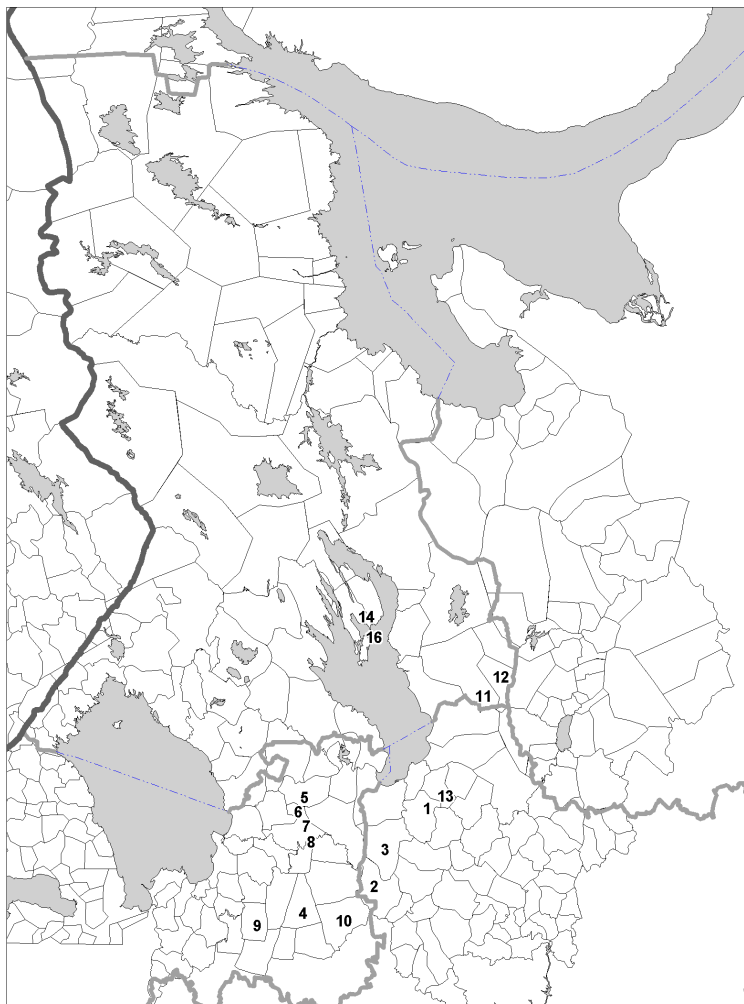

(Вадога ~ Вадега), являющегося характерным вепским фонетическим признаком, а также то, что восточный берег Онежского озера является естественным продолжением на север и северо-восток вепского этнического ареала.

Итак, модель наиболее интенсивна в ареале современного и исторического вепского расселения в восточном Обонежье. В ливвиковском Приладожье и в Заонежье, исходя из фонетического облика топонимов и некоторой изолированности от вепского ареала, допустимы карельские истоки модели. При этом, впрочем, следует принять во внимание, что модель, не проявив себя на остальной карельской в языковом отношении территории, актуализировалась только в непосредственном вепском ареальном соседстве, что может быть вызвано непосредственным или опосредованным вепским воздействием. Можно допустить, что на Олонецком перешейке происходила фонетическая адаптация вепского термина, его сближение со своим карельским словом *vataja* ~ *vadaja*. Не исключено, впрочем, что вепское субстратное воздействие могло привести к рождению ливвиковской топонимной модели, активизирующей известную в карельских говорах лексему *vataja*.

Карта 2. Lap- / Lap(a)t-

1. *Лапозеро*, озеро [Олон., Вытег., Коштуг., Ундозеро]
2. *Лапозеро*, озеро [Новг., Белоз., Киинск., Керстан]
3. *Лароја (Лапручей)*, ручей [Олон., Лодейн., Шимоз., Пелкаска]
4. *Лаповский*, ручей [Новг., Тихв., Кузьмин., Кильмуя]
5. *Лапозеро* ~ *Лапоть*, озеро [Олон., Лодейн., Подпор., Вонозеро]
6. *Лапозеро*, озеро [Олон., Лодейн., Шапшин., Мульевичи]
7. *Лапозеро*, озеро [Олон., Лодейн., Шапшин., Варбиничи]
8. *Лапозеро*, озеро [Олон., Лодейн., Шапшин., Кукас]
9. *Ланисарь*, остров в болоте [Новг., Тихв., Новин., Имолово]
10. *Лапоское*, озеро [Новг., Тихв., Борисовц., Пудрино]
11. *Лапатозеро*, озеро [Олон., Пудож., Коловс., Отовозеро]
12. *Лапозеро*, озеро [Олон., Пудож., Колодоз., Палоручей]
13. *Лапатозеро* ~ *Лопотозеро*, озеро [Олон., Вытег., Вытег., Сперовс. общ-во, Кудаозеро]
14. *Лапостров*, остров [Олон., Петроз., Великог., Яндом., Усть-Яндом.]
15. *Лапцарское*, болото [Новг., Кирилл., Остров., Чаготма]
16. *Лапостров* [Олон., Петроз., Великог., Рогачево]

Карта 2

Основа представлена серией названий малых озер, характерной особенностью которых является расположение на берегу, сбоку от более крупного озера. Исходя из этой характерной особенности местоположения, в топооснове следует видеть вепскую лексему *lart ‘край, бок, сторона’, которая в современных говорах представлена наречиями: *lartaha* ‘в

сторону', *laptali*, *laptaiči* 'стороной', *laptas* 'в стороне', *laptati* 'рядом'. Производящая основа *lapt* этимологически входит в один ряд с карельским *lappie* и финским *larrea* [9], которые позволяют реконструировать исходный для прибалтийско-финских языков вид *larreda и тем самым проясняют происхождение вепс. *lapt* как результата характерной для вепсского языка редукции гласного второго слога в случае, если первый слог долгий или закрытый [10]: *larreda >> *lapt*. При этом процесс выпадения гласного сопровождался оглушением конечного согласного под влиянием соседнего глухого *p*. В ряде топонимных примеров редукция гласного отсутствует: *Ланатозеро* в верховьях р. Колоды, маленькое *Ланатозеро* на берегу Кудомозера в южном Обонежье, оз. *Ланоть* (с вариантом *Ланозеро*) у оз. Палежма в южном Присвирье, а также, возможно, руч. *Ланать* в бассейне верхней Шексны. Впрочем, нельзя исключать и вторичного наращения гласного, имеющего в ряде случаев народно-этимологические истоки. В большинстве примеров на стыке элементов сложного топонима произошло упрощение фонетического облика топонимной основы: *Laptjärv > *Lapjärv* > Лапозеро.

Ареал модели охватывает южное Присвирье, южное и юго-восточное Обонежье и может, таким образом, квалифицироваться как вепсский, хотя и не покрывает всю вепсскую территорию. С точки зрения этнической истории и географии расселения наиболее интересны фиксации в юго-восточном Обонежье, в том числе *Ланатозеро* и *Ланозеро* в бассейне р. Колоды, озеро *Ланоть* в Салмозере, доказывающие вепсское прошлое этой русской территории.

Исходя из локального ареала, а также функционирования модели преимущественно в названиях микрообъектов, следует признать ее относительную молодость. Показательно ее отсутствие на Олонецком перешейке – исторической вепсской территории. На окраинах ареала зафиксировано несколько топонимов – названий островов: в юго-западном Присвирье урочище (остров на краю болота Имоловское) *Ланьсарь* (*saf* 'остров'), на нижней Кеме в северном Белозерье бол. *Ланцарское* (<*Lapsaf), остров *Ланостров* в окрестностях д. Усть-Яндома на юге Заонежского полуострова, являющийся крайним в череде островов, расположенных в окрестностях поселения. Появление *Ланострова* в южном Заонежье может быть отражением устойчивых связей данной территории с вепсским Прионежьем, характерным в относительно позднее время.

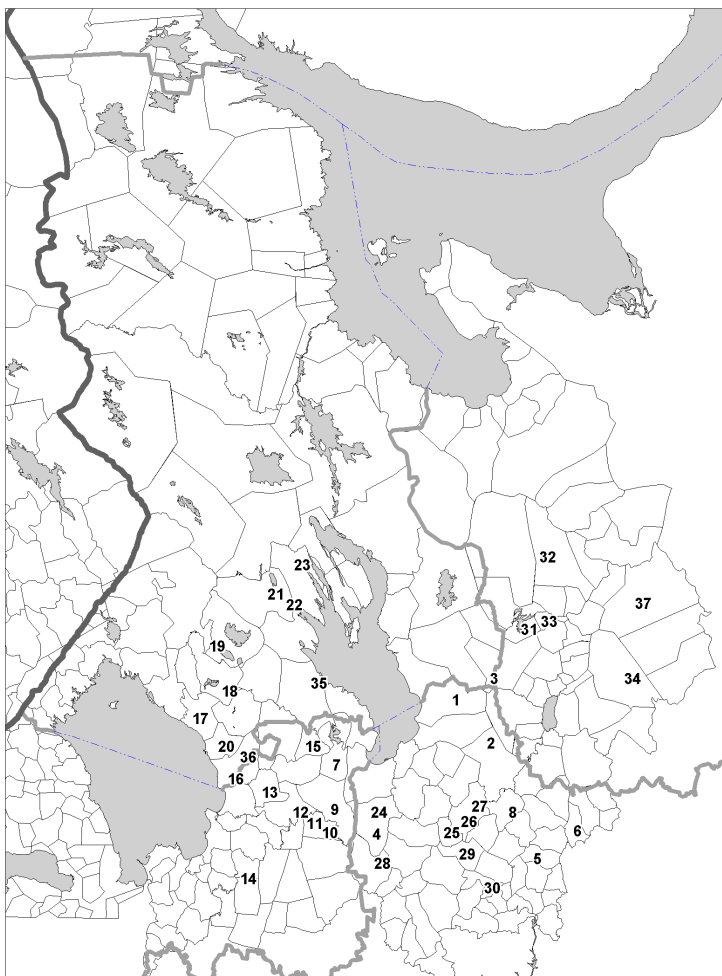
В контексте сказанного есть смысл пересмотреть этимологию некоторых наименований с основой *лап-*, традиционно связываемых с этнонимом *lappi* 'лопаль'.

Модель не получила распространения в карельской топонимии, основа не входит и в число продуктивных финских топооснов.

Карта 3. Pehk-, Пехт-

1. *Пехручей*, ручей [Олон., Вытег., Андом., Ладвоз., Айнозеро]
2. *Пехозеро*, озеро [Олон., Вытег., Чернослоб., Ерчина]
3. *Пехозеро, Пехозерко*, озеро [Олон., Пудож., Колод., Дубовск., Паларучей]
4. *Пехручей*, ручей [Олон., Вытег., Коштуг., Ежезер., Дундуково]
5. *Пехтач*, деревня [Новг., Кирилл., ... Пехтач]
6. *Пехтач*, деревня [Новг., Кирилл., ... Прилуц., Пехтач., Казан., Пехтач]
7. *Пех(т)болото*, болото [Олон., Лодейн., Юксовская, Юксовичи]
8. *Пехручей* [Новг., Кирилл., Островс., Чаготма]
9. *Pehkoja*, ручей; *Pehkoijärv*, озеро; *Pehkoisohut*, болото [Олон., Лодейн., Виниц., Озерск., Киприяновская]
10. *Pehkišt*, покосы [Новг., Тихв., Пелдуш., Бахарево]
11. *Pehko*, болото [Новг., Тихв., Пелдуш., Ярославичи]
12. *Пехболото*, болото [Олон., Лодейн., Шапшин., Агашево]
13. *Пехтега*, река [Олон., Лодейн., Мирошкин., Тененск., Тененичи]
14. *Пяхта*, река [Новг., Тихв., Новинск., Пяхта]
15. *Pehkusuo, Пеккусуо*, болото [Олон., Олон., Важин., Михайл., Мошничье]
16. *Pehkoselgy*, урочище [Олон., Олон., Неккульск., Обжанск., Обжи]
17. *Pehkeisuo*, болото [Олон., Олон., Видлиц., Верхневидлиц., Гавриловка]
18. *Pehus, Pehusjärvi (Пехус)*, озеро [Олон., Олон., Ведлоз., Паннильское, Варлоев Лес]
19. *Pehkosuo, Pehkotsuo*, болото [Олон., Петроз., Сязозер., Часовен., Каменьнаволок]
20. *Pehkoja*, ручей [Олон., Олон., Рыпушкальск., Ладвинск., Левендукса]
21. *Pehkoiniem*, мыс [Олон., Петроз., Спасопреображ., Пялозер., Пялозеро Северное]
22. *Пехкое*, покос [Олон., Петроз., Вороновс., Вороново Малое]
23. *Пехнаволок*, мыс [Олон., Петроз., Кондоп., Викшезер., Викшезеро]
24. *Похта*, болото [Олон., Вытег., Коштугск., Коштуги]
25. *Сампохта*, болото [Новг., Белозер., Гавринская, Сотозеро]
26. *Похта, Похтаболото*, болото [Новг., Кирилл., Покров., Курдюг]
27. *Похта*, болото [Новг., Кирилл., Покров., Ужла]
28. *Пильпацкое*, болото [Новг., Белозер., Киинск., Нижняя Ножема]
29. *Похта*, болото [Новг., Белоз., Мегрин., Мегра]
30. *Похта*, река [Новг., Белоз., Антушев., Лаврово]
31. *Валдапахта*, болото [Олон., Каргоп., Кеноз., Спицина]
32. *Лепакта*, болото [Олон., Пудож., Краснов., Ундозер., Гороховская]

33. *Лайпахта*, болото [Олон., Каргоп., Кенорецк., Корякин., Кузьминская]
 34. *Пахтозеро*, озеро [Олон., Каргоп., Каргоп., Няндомы]
 35. *Пухта*, болото [Олон., Петроз., Шелтозер.-Береж., Шелтозеро]
 36. *Pehkotsuo* [Олон., Олон., Неккул., Куйтежа]
 37. *Вайпахта*, урочище [Олон., Карг., Большесторонская вол., Семеновская]

Карта 3

Топонимы, в которых топооснова Pehk-, Пехт- представлена либо в самостоятельном употреблении, либо в качестве определяющего компонента сложных по структуре наименований, являются названиями болот, небольших рек, болотных ручьев и озер. Топооснова восходит, по всей видимости, к известному всем прибалтийско-финским языкам слову со значением ‘гнилая трухлявая древесина’ (фин. *pehka*, *pehku*, кар. *pehku*, *pehko*, люд., вепс. *pehk*), ср. также кар. фин. *pehkeytyä*, кар. *pehkovua* ‘гнить’ [11], вепс. *pehkestuda* ‘плесневеть, преть, гнить’ [12]. Использование основы с подобной семантикой кажется вполне логичным в названиях болот: в топонимии Присвирья *Pehku/suo* в бассейне р. Важина, *Pehk/so* в басс. р. Оять, в окрестностях с. Ярославичи, *Pehkso* и бол. *Pehkišt* в басс. верхней Ояты, *Peh/болото* в басс. р. Савина, в олонечкой топонимии *Pehkeisuo* (Видлища), *Pehketsuo* (Куйтежи) и др. Она закрепляется и в названиях смежных объектов: *Pehk/oja* ручей (басс. р. Оять, в окрестностях с. Озера), в ливвиковской топонимии *Pehkoselgy* лесное урочище (Обжа), *Pehkoja* ручей (Левендукса), в людиковской *Pehkoiniem* мыс оз. Пялозеро (Кондоп. Пялозеро) и др.

В русской Карелии и на смежных русских в языковом отношении территориях модель представлена рядом фонетических вариантов, которые требуют некоторых пояснений. Прежде всего, прибалтийско-финское сочетание *hk*, чуждое русской фонетике, меняется в ряде заимствований на *хт* [13], что отражают названия болота *Пехтболото* в Юксовичах, а также присвирских рек *Пехтега* и *Пяхта*. В последнем случае диссимиляция сопровождается изменением *e > a* в позиции перед мягким согласным. Река *Пяхта* протекает по одному из наиболее заболоченных участков бассейна Паши, подтверждая этимологию географически. Ряд примеров демонстрирует выпадение согласного на стыке элементов сложного по структуре топонима: *Пехболото* на реке Савине в южном Присвирье, *Пехручей* в бассейне Мегры, Кемы и Андомы в южном и юго-восточном Обонежье, там же *Пехозеро* и *Пехозерко*.

Видимо, в этом контексте надо искать и истоки севернорусской лексики **пахта** ~ **похта** ‘болото’ [14]. Примечательно, что она вписывается в целый ряд севернорусских именующих прибалтийско-финские истоки лексем, в которых проявляется закономерность прибалтийско-фин. *e* (преимущественно в заднерядных словах) > севернорус. *a*: вахта ‘трифоль, водяной трилистник’ – прибалтийско-фин. *vehka*; вагмас ‘заболоченный лес с буреломом и кустарником’ – фин. *vehmasto* ‘густой лиственный лес или кустарник’, эст. *võhmas* ‘остров на болоте’; шалга ‘возвышенность, покрытая лесом’ – возможно, сопоставима с кар. *šalgä* в том же значении. В объяснении звукоперехода существует определенная проблема, однако прибалтийско-финские истоки перечисленных слов – А. К. Матвеев говорит об особом прибалтийско-финском диалекте на территории русского

Севера – несомненны [15]. Есть предположение о том, что восприятие местного ландшафтного термина в русские говоры произошло через посредство топонимов, т. е. вследствие реапеллятивизации, абстрагирования географического термина из состава сложного по структуре топонима. Иначе говоря, появление семантики ‘болото’ стало возможным потому, что основа *pehku-* является в прибалтийско-финской топонимии типичной для наименований болот и выступает многократно в качестве атрибута в сочетании *Pehkusuo* (*suo* ‘болото’). Использование слова в гелонимах привело к восприятию его пришлым населением как имеющего значение ‘болото’ [16].

В виде *пахта* ландшафтный термин бытует прежде всего в архангельских русских говорах*, а также в северном Белозерье. При этом на территориях, тяготеющих непосредственно к Белому озеру, появляется вариант *похта*, вызванный, видимо, особенностями субституции прибалтийско-финского *a* в русское употребление как *o* в период ранних прибалтийско-финско-русских контактов. По-видимому, вдоль транзитного водного пути, связывавшего истари Белое и Онежское озера, вариант *похта* проник севернее, проявившись, в частности, в южном Обонежье в Коштугах (бол. *Похта*), а также, не исключено, на юго-западном побережье Онежского озера, где известно обширное болото *Пухта* (в названии произошло сужение первоначального *o* в *y*).

Ареал довольно убедительно может быть охарактеризован как вепский. Топонимы данной модели известны как на современной, так и на исторических вепских территориях в южном Обонежье, на Онежско-Ладожском перешейке. Знаменательно, что топооснова непродуктивна в собственно-карельском ареале, в связи с чем ее присутствие в ливвиковской и людиковской топонимии допустимо рассматривать как вепское наследие.

В ряде топонимов Карелии основа *Pehek-* закрепились как отантропонимическая: в прибалтийско-финских языках, в том числе в карельском, у лексемы *pehko/pehku* на основе примарного значения ‘гнилая трухлявая древесина’ развилась вторичная семантика ‘недалекий человек, дурак’, которая послужила основой для возникновения прозвища, в том числе и родового, перешедшего позднее в разряд официальных и неофициальных фамилий. Среди таких отантропонимных топонимов название поля *Pehkoihiine Rod'andorog* (имеется в виду тот участок обширного поля под названием *Rod'andorog*, букв. ‘Дорога в [дер.] *Rod'a*’, который принадлежал семье с неофициальной фамилией *Pehkoihiine* [д. Шелтозеро При-

---

* В действительности ареал здесь значительно более насыщен, чем на нашей карте, однако вследствие фрагментарности архангельских материалов в топонимической картотеке ИЯЛИ он лишь обозначен несколькими фиксациями.

он.]) или поле *Pehkazenpellod* (pellod ‘поля’) в Тунгуде. В западном Заонежье в окрестностях д. Усть-Река известны *Пехкины Полянья* – еще один топоним, в котором закрепился карело-вепсский антропоним, возможно, связанный с тем самым карельским «князем» Пехкоем, который известен местной традиции [17]. Ареал этих и подобных им топонимических примеров имеет свой генезис и по понятным причинам не рассматривается в одном ряду с приведенными в списке фиксациями.

Карта 4. Lusm- / Lužm-

1. *Lusmajoki*, река; *Lusma*, порог; *Lusmansuari*, остров; *Lusmanvuara*, гора [Арх., Кемс., Тихтоз., Хяме]

2. *Тарвилужма*, урочище [Арх., Кемс., Ухтин., Пиргтилакси]

3. *Lusma*, порог; *Lusmajoki*, река; *Lusmanlaksi*, залив [Арх., Кемс., Кондокс., Минозеро]

4. *Luzmajogi*, река; *Luzmankoski*, порог; *Luzmanlaksi*, залив; *Luzmansuari*, остров; *Luzmanvuara*, гора [Арх., Кемс., Тунгуд., Лужмаварака]

5. *Lusmalaksi*, залив, деревня [Олон., Повен., Ругоз., Кимасозер., Лужмагуба]

6. *Lusma*, река; *Luzmankoski*, порог [Олон., Повен., Ребольск., Лужма]

7. *Lusmalambi*, озеро; *Lusmansalmi*, пролив; *Lusmansuari*, остров [Олон., Повен., Ругозер., Коргубс., Коргуба]

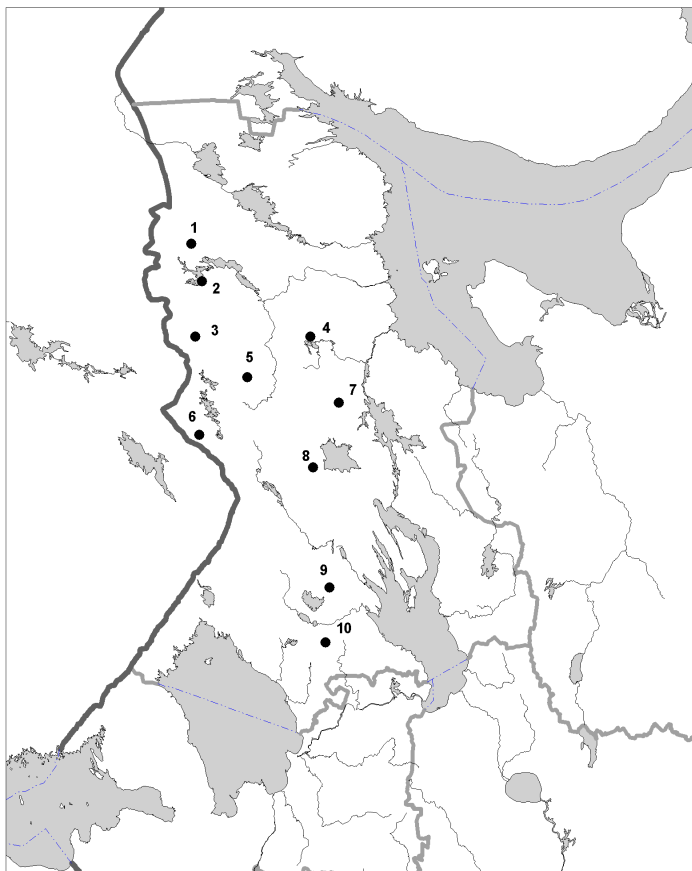
8. *Lusma*, река [Олон., Богоявлен., Сондал., Паданский Погост]

9. *Lužmand’ogi*, река; *Luzmansuu*, урочище в истоке реки [Олон., Петроз., Спасопреобр., Вохтозер., Нимозеро Губа]

10. *Lužme*, озеро [Олон., Петроз., Святозер., Пелдожи]

Топооснова *Lusma / Lužma* выступает в топонимии Карелии в первую очередь в названиях водных объектов – рек и озер, а также их частей, что согласуется с семантикой саамского географического термина *lusme, lus’pe* ‘исток реки из озера (особенно длинный залив, из которого вытекает река)’ [18]. Надо полагать, что слово имело эту же семантику и в тех древних саамских говорах, которые были распространены в прошлом на территории Карелии. Она хорошо подтверждается географической характеристикой объектов, в названии которых закрепилась топооснова. Это, как правило, река, в истоках которой располагается значительный по размерам и протяженности залив. Из представленных в списке топонимов особых пояснений требует *Тарвилужма* как зафиксированное в архивном источнике начала XX в. название. Очевидно, исходный фонетический вариант должен был иметь вид **Talvilusma* ‘Зимняя Лужма’, в котором произошла диссимилиация двух *l*.

Карта 4

Топонимы, будучи в целом немногочисленными, покрывают карту Карелии редкой сетью, которая к тому же заметно редет на юге территории, а на ее восточных окраинах модель и вовсе отсутствует. При этом ареал продолжается на территорию восточной и северной Финляндии, где известно до десятка топонимов, среди них *Lusma*, *Lusmaniemi*, *Lusmasaari*, *Lusmavaara*, *Lusmakoski*, *Lusmankisaari*, *Luusma*, *Luusuasaari*, *Luusuaniemi* и некоторые другие [19]. Добавим, что саамская лексема заимствована в говоры северной Финляндии в виде *lusma*, *luspa*, *luusua* [20]. Вырисовывающийся ареал принципиально отличен от ареала бытования другой представленной в данных материалах саамской

топоосновы *Šolm-/Jolm-* ‘пролив’, которая практически не включает в себя территорию Финляндии, но покрывает в то же время восточную Карелию и простирается дальше на восток в Архангельскую область, а на юге доходит до Белого озера. По сравнению с ним ареал основы *Lusma / Lužma* значительно смещен на северо-запад. Очевидно, за этим ареальным членением стоят разные этапы древней саамской этноязыковой истории. Ареальная дистрибуция приобретает особое значение с учетом разных этимологических корней данных лексем: в то время как саам. *šol'bme* ‘пролив’ (< *šōlmē) имеет единые истоки с прибалтийско-финским *salmi* ‘пролив’, для *lusme* не обнаруживается никаких параллелей в родственных языках, и оно, видимо, входит в пласт субстратных для саамского языка палеоевропейских слов. В связи с этим не исключено, что ареал топоосновы отражает былую территорию бытования палеоевропейского субстрата, подвергшегося финно-угорскому языковому воздействию, сформировавшему саамский язык. Идею о палеоевропейском субстратном топонимическом наследии на Европейском Севере развивает Я. Саарикиви [21]. Ареал *Lusma / Lužma* вписывается в целом в границы ряда выявленных Саарикиви субстратных для саамской топонимии моделей.

Карта 5. Šolm-, Челм-

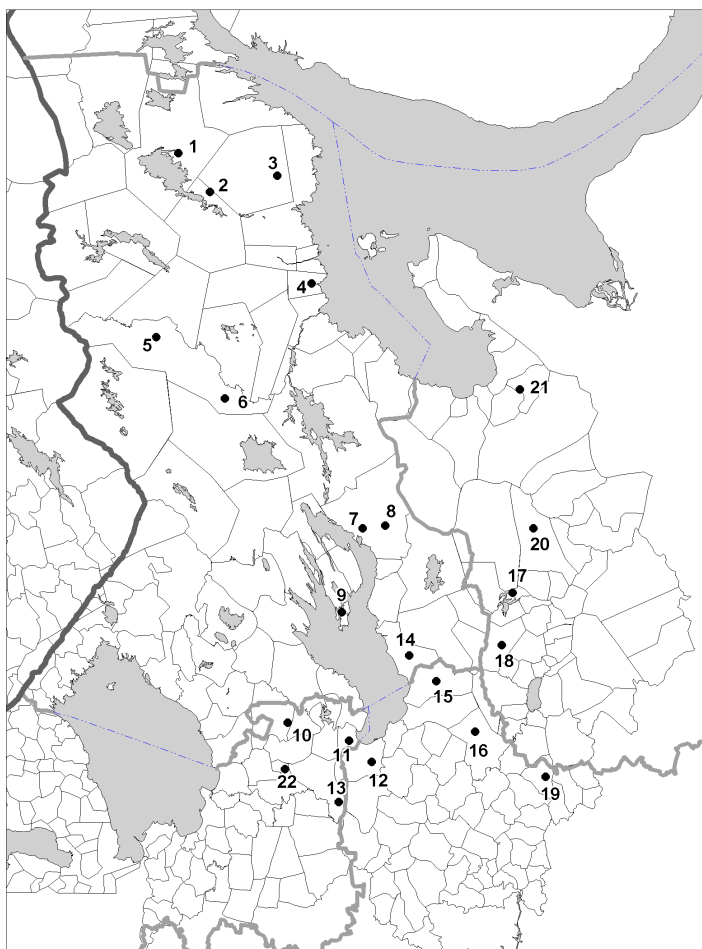
1. *Šuolmaniemi* (Чуолманиеми), мыс; *Šuolmalakši*, залив; *ŠCuolmalampi*, озеро [Арх., Кемск., Кестеньг., Лохгуба]
2. *Šolmanki*, озеро; *Colmankisuari*, остров [Арх., Кемск., Погостс., Хайколя]
3. *Jolmoni* (рус. *Елманга*), деревня; *Jolmosensuari*, остров [Арх., Кемск., Вычетайбол., Вычетайбол., Елманга]
4. *Елманиха*, гора [Арх., Кемск., Шуерецк., Шуерецкое]
5. *Šolmojärvi* (Челмозеро), озеро; *Šolmo ~ Šolmojärvi*, деревня; *Šolmonsuari*, остров [Олон., Повен., Ругоз., Ругоз., Челмозеро]
6. *Jolmajärvi ~ Jolmajärv ~ D'olmarvi* (Елмозеро), *Jolmajogi*, река; *Jolmoisuo*, болото; *Jolmoisjärvet*, озера [Олон., Повен., Ругоз., Коргуб., Кузнаволок]
7. *Челмужи*, деревня; *Челмужская губа*, залив [Олон., Повен., Данилов., Данилов., Челмужи]
8. *Челмозеро*, озеро [Олон., Повен., Данилов., Данилов., Кодозеро]
9. *Челмужгуба*, залив [Олон., Петроз., Великог., Сенногуб., Гарницы]
10. *Челма*, река [Олон., Олон., Мятус., Погачинс., Яковлевская]
11. *Челмаишское*, озеро; *Челмасручей*, ручей [Олон., Лодейн., Оштинс., Кузра]
12. *Šoumažgärv* (Челмасозеро), озеро; *Челмасручей*, ручей [Олон., Лодейн., Оштинск., Водлицкое, Верхняя Водлица]
13. *Šoimjärv ~ Šaimjärv* (Челмозеро ~ Чоймозеро ~ Чаймозеро), озеро [Олон., Лодейн., Виницк., Ладвин., Ладва]

14. *Челможское*, озеро [Олон., Пудож., Нигижем., Великодвор., Рани-на Гора]
15. *Челма, Челмаручей*, река [Олон., Вытег., Андом., Ладвозеро]
16. *Челма*, пролив [Олон., Вытег., Чернослобод., Кемское]
17. *Челма*, пролив [Олон., Каргоп., Кенозер., Чолма]
18. *Челма*, река [Олон., Каргоп., Лекшмоз., Ившинская]
19. *Челма*, пролив [Новг., Кирилл., Печенг., Чаронд., Шухтино...]
20. *Челозеро*, озеро [Олон., Пудож., Краснов., Ундозер., Гороховская]
21. *Челозеро*, озеро [Арх., Онеж., Тамбицкая вол.]
22. *Челма*, урочище [Олон., Лодейн., Шапш., Варбин., Печеницы]

Топонимы объединяют в единый ареал обширную территорию от Кольского полуострова на севере до Белого озера на юге, от западных границ Карелии на западе до бассейна Северной Двины на востоке. Территория Карелии входит в него неотъемлемой частью. Топооснова восходит к саам. сев. čol'bm̄e, инари čolmi, патс. tšoälme, кильд. t'š̄uəlme, йоканг. t'š̄iälme "salmi" < *čölmē [22]. Саамская лексема заимствована в говоры северной Финляндии в виде jolma (SSA), согласующемся с закономерностями фонетической адаптации саамского č заднерядных слов в финских говорах. Она проникла в апеллятивное употребление и на Русском Севере, где челма 'пролив, протока, залив', а также 'горловая ловушка для рыбы' [23], ср. в связи с этим проливы с названием *Челма*, известные на восточной окраине ареала – озерах Кемском, Воже и Кенозере.

В топонимии Карелии и сопредельных областей основа выступает в виде Čolma-/Čolmo-, Čuolma-, Čoim-, Čoum-, Jolma-, из которых первый является самым продуктивным. Вторым (Čuolma-), представленный на далеком севере Карелии, видимо, воспроизводит то хронологически позднее саамское звучание, в котором топоним был усвоен в карельское употребление. В свою очередь, два следующих Čoum- и Čoim- вызваны свойственной вепсскому языку цепочке звуковых изменений [24]. Последний (Jolma-) представлен в названии вытянутого в длину почти на 40 км озера *Jolmarvi / D'olmarvi (Елмозеро)* на северо-восточной границе Сегозерья, которое в районе д. Кузнаволок сужается до 200 м, образуя своего рода пролив между северной и южной частями озера. Именно здесь традиционно существовала переправа через озеро по дороге из Падан в Ондозеро. Хотя географическая характеристика озера хорошо согласуется с предложенной этимологией, фонетическая адаптация не вполне обычна для закономерного карельского усвоения саамских названий. Не случайно для топонима была в свое время предложена иная этимология, связывающая топоним с другим саамским словом: саам. *jiellem* 'жизнь' [25], что сомнительно в смысле семантики названия. Однако более детальное

знакомство с топонимией Сегозерья показало, что на этой территории есть и другие географические названия с адаптацией саамского $\check{c}$ через j , а кроме того, выявился ряд топонимов, имеющих емские (фин. *häme* 'емь') истоки и пришедших с территории северо-восточной Финляндии [26], для которой как раз обозначенная выше модель фонетического усвоения закономерна. По всей видимости, за этим кроется промысловое освоение территории северного Сегозерья, в которое втянулось наряду с карельским и емское население.

Карта 5

В ряде случаев топооснова расширена за счет суффиксального элемента (*Челмасозеро, Челмажское озеро, Челмужи*), генезис которого не до конца понятен.

С ареальной точки зрения знаменательно отсутствие сколько-нибудь заметного функционирования модели на территории Финляндии, а также в северном Приладожье. На этом фоне выделяется Обонежье, где модель представлена достаточно весомо. Известно ее присутствие и восточнее, вплоть до бассейна Северной Двины [27]. О широком бытовании саамского слова в восточном Обонежье свидетельствует и его проникновение здесь в апеллятивное употребление.

Есть некоторые языковые факты, которые указывают на то, что в вепсской языковой среде ощущалось родство топоосновы с вепс. *sałm ~ soum* 'пролив': оформление суффиксом *-as* (*Челмасозеро, Челмашское озеро*), который присоединился и к вепсской словообразовательной основе (ср., например, вепсские топонимы *Salmas ~ Saumes, Soumez*, неоднократно *Салмакса*), стремление к одинаковому с вепсским качеству гласного в основе в топониме *Čoimjärv ~ Čaimjärv*. В этом же контексте знаменательно название урочища *Челма* на берегу пролива, соединяющего оз. Печенское и оз. Дальничное, являющееся, собственно, обширным южным заливом озера Печенского. При этом сам пролив носит название *Салма*, т. е. представляет собой вепсское соответствие саамского *Челма*.

Карта 6. -ngV, -н(ь)гV

В топонимии Карелии выделяется целая группа топонимов, главным образом, названий водных географических объектов, которая содержит фиксируемый как в прибалтийско-финской (карельской, финской, вепсской), так и в русскоязычной топонимии Русского Севера формант *-ngV/-н(ь)гV*.

История изучения природы данного суффикса уходит корнями во вторую половину XIX века, когда финляндский исследователь А. И. Шегрен впервые попытался проанализировать серию названий, оформленных формантом *-ngV/-н(ь)гV* (Sjögren 1861, 301). После него к этому вопросу не раз обращался целый ряд ученых как из Финляндии, так и из России (М. А. Кастрен, Д. Европеус, В. Ниссиля, Э. Кивиниemi, А. Ряйсянен, А. К. Матвеев, Б. А. Серебrenников, И. И. Муллонен и др.) [28]. Однако топонимы Карелии оставались до сих пор вне поля научного исследования.

Анализ форманта *-nkV/-ngV* должен быть предварен рядом замечаний о бытовании его в апеллятивной лексике.

В топонимии, как правило, достаточно часто закрепляются такие суффиксы, которые являются малопродуктивными в апеллятивном словообразовании, что вызвано стремлением к разграничению между апеллятивными и онимическими суффиксами.

Материал словарей карельского языка [29] позволил выявить 60 слов, оформленных интересующим формантом. Разделение по диалектам по частоте встречаемости его в языке можно представить в виде следующей схемы:

	Всего слов	Только в данном диалекте
Севернокарельские диалекты	17	5
Южнокарельские диалекты	41	22
Южнокарельские диалекты Тверской области	2	–
Ливвиковские диалекты	23	9
Людиковские диалекты	6	1

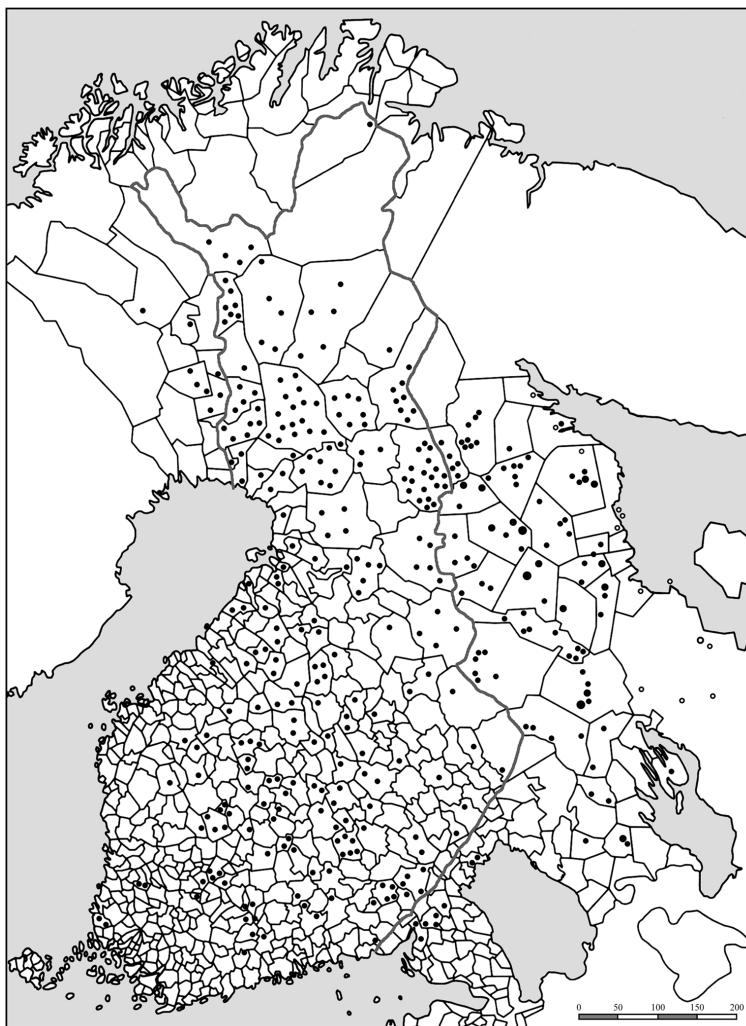
Из схемы видно, что на апеллятивном уровне рассматриваемый суффикс представлен во всех наречиях карельского языка. Однако его активность различна. Среди зафиксированных апеллятивов встречается всего три слова, которые известны на территории всей Карелии: *alanko* ‘низина’, *karanko** ‘сухостойное дерево’ и *vahinko* ‘убыток, несчастье’, при этом два последних представлены и в апеллятивной лексике на территории проживания собственно-карел в Тверской и Ленинградской областях. Апеллятивы на *-nkV/-ngV* фиксируются и в вепском языковом ареале: ср. *alang* ‘низина’, *karangišt* ‘ельник с большим количеством сухостойных деревьев’, *sohring* ‘болотина’, *tazangist* ‘равнина’, *uhring*, *urting* ‘родник, топкое вязкое место в лесу’ [30]. Из представленной выше схемы видно, что большинство слов, оформленных суффиксом *-nkV/-ngV*, фиксируется в южнокарельских диалектах собственно-карельского наречия, главным образом, в говорах Средней Карелии (Паданская и Ругозерская волости), а также в финляндской Северной Карелии.

Среди зафиксированных апеллятивов с конечным *-nkV/-ngV* на территории Карелии в качестве географических терминов используется только восемь слов: *ahingo* ‘узкий перешеек между озером и болотом’, *alanko* ‘низина’, *šauringo* ‘галечник, почва с гравием’, *il’l’anko* ‘место, где остался лед (снег), когда вокруг уже все растаяло; гололед’, *gauningo* ‘груда камней’,

---

* На карте распространения названий, оформленных суффиксами *-nkV/-ngV*, не показаны названия, в которых закрепились апеллятивы *alango/alanko*, *karango/karanko* и *ylängö/ylänkö*.

suotingo 'болотце', tazango 'равнина', ylängö 'возвышенность'. К этой группе, по всей видимости, можно отнести еще два слова, которые фиксируются в топонимии, но не известны в качестве апеллятивов, это *urānki 'возвышенное место' и *kudrinki 'углубление в водоеме' (см. ниже).

Карта 6

Непродуктивной, по всей видимости, модель на -nkV была и в апеллятивной географической лексике соседней Финляндии. Среди более чем двух сотен географических терминов, рассмотренных Э. Кивиниеми в исследовании «Perustietoa paikannimestä», интересующий нас структурный элемент фиксируется только в семи словах: alanko (alinko), alunki, kuorinki, ojanko, raivinki, гуöpinkö и ylänkö [31]. В то же время нужно учитывать, что часть апеллятивов на -nkV/-ngV могла, по всей видимости, не попасть в поле зрения исследователей, как на территории Финляндии, так и в Карелии, и, соответственно, их количество может быть несколько больше. Так, например, Л. Хакулинен упоминает в одной из своих работ географические термины kujanki в значении ‘неширокая дорога’, oilinka со значением ‘прямой участок дороги’ и peranko ‘поляна, расчищенная под пашню’ [32], которые Э. Кивиниеми не рассматривались.

В отличие от топонимии Финляндии, где многие из названий, содержащих формант -nkV/-ngV, выступают в наименованиях достаточно крупных и важных гидронимов (Kiviniemi 1980: 334–335), в Карелии топонимы этого типа представлены чаще всего в названиях средних или некрупных по размеру географических объектов, которые, как правило, не известны за пределами той сельской общины, где они зафиксированы.

Уже отмечалось, что в ареале современного и исторического расселения карел формант -nkV/-ngV выступает, прежде всего, в гидронимии, при этом в большинстве случаев он фиксируется в составе лимнонимов, т. е. в названиях озер. Кроме этого, суффикс встречается в наименованиях рек и ручьев, порогов и островов, мысов и заливов, болот и возвышенностей, а также в названиях сельскохозяйственных угодий. Всего на территории Карелии удалось зафиксировать 131 гнездо рассматриваемого типа (ср. гнездо Hemmenki-: Hemmenkiniemi, Hemmenkijoki, Hemmenkisuari, Hemmenkisuot, Hemmenkivuara (Луусалми)), при этом подавляющее их число (118) бытует в карелоязычной топонимии. Из представленного количества гнезд 75 основ, оформленных топоформантом -nkV/-ngV, можно назвать раритетными, поскольку они встречаются в топонимии только единожды в том или ином населенном пункте, 53 других имеют варианты-тезки, большинство из которых представлено в Карелии двумя фиксациями. И только пять основ имеют от трех до четырех фиксаций: Eningi-/Enängi- (3), Kuuzingi-/Kuusinki- (4), Munangi-/Munanki- (3), Vezungi-/Vesunki- (4) и Ypängi-/Ypäнки- (3).

Стоит отметить, что большинство основ на -nkV/-ngV в Карелии являются раритетными и на общем прибалтийско-финском фоне. Среди 220 топооснов, оформленных -nkV/-ngV в финской топонимии, рассмотренных А. Ряйсяненом [33], параллели с карельскими названиями имеют

только 10: фин. Juomunki- / Juomingilammit (Юшкозеро), Kujanki- / Kujanginiemi (Лужма), Kuusinki- / Kuuzingijärvi (Кимасозеро), Liminga- / Limingansuo (Лежево), Oulanka- / Oulungajogi (Маслозеро), Pienanki- / Pieninkiluoma (Кимасярви), Sieminki- / Sieminginoja (Кизрека), Vesanka- / Vezungilaksi (Шуезеро), Viianki- / Viijanki(järvi) (Ухта), Vitsanki- / Vicangivuara (Березовый Наволок).

Ряд параллелей с карельскими названиями фиксируется также на Кольском полуострове, в Архангельской и Вологодской областях: ср. поле Варзанга (Нюхча) – река Варзеньга (Арханг. обл.), река и озеро Voingi (Воинга) – река Воинга (Кольск.), река Enängijogi (Концеостров) – река Енанга (Волог. обл.), озеро Kalmungi (Сельги) – река Калманьга (Арханг. обл.), озеро Kuollungijärvi (Тикша) – река Коленьга (Арханг. обл.), деревня Korpanka – река Корманга (Волог. обл.), река Korpankijoki (Костомукша) – река Корбанка (Волог. обл.), река Kuuzengijogi (Березовый Наволок) – река Кузеньга (Волог. обл.), ручей Kurtangioja (Юшкозеро) – река Курденьга, поле Куртанга (Волог. обл.), озеро Lemengijärvi (Вычетайбола) – река Леменьга (Арханг. обл.), озера Puulonkijärvet (Пулоньга) – дер. Пулонга (Кольск.), озеро Suksingo (Евгора) – река Суксонга (Арханг. обл.), озеро Sululanki (Миккола) – река Сулонга (Волог. обл.), деревня Таваньга – река Тавеньга (Волог. обл.), ручей Ulango-oja (Пелдожа) – река Уленьга (Арханг. обл.), остров Чаванка (Нюхча) – речка Чаваньга (Кольск.), порог Juumin-givirda (Гагарино) – река Юменьга (Арханг. обл.)*. В то же время вопрос о единых истоках указанных выше названий остается пока открытым.

Как и в апеллативной лексике, названия в топонимии представлены с разной конечной огласовкой рассматриваемого суффикса. Большая часть названий бытует с конечным гласным -i, это 70% всех названий гнезд (ср. ручей Šieringioja (Корелакша), озера Kylmengijärvet (Сельги), остров Юзминги (Поньгома)). На порядок (7,5%) им уступает вариант суффикса с финальным -o (ср. залив Ruamingo (Хлевनावолок), ручей Lozungo-oja (Кузнаволок), озера Kuuksinkolammit (Лохгуба)). Чуть больше 20% названий оформлено конечным гласным -a (возвышенность Gull'unganvuara (Лубасалма), река Oulankajoki (Оланга), поле Варзанга (Нюхча)). При этом последние два варианта суффикса фиксируются, главным образом, на окраинах ареала данной структурной модели, в его же ядре фиксируются исключительно названия с конечным -ngi/-nki.

В то же время вариативность конечной гласной суффикса не несет, по всей видимости, этноисторической нагрузки. В разных местах ареала и

---

* Названия с территории Архангельской и Вологодской областей взяты из монографии А. К. Матвеева [34].

даже в пределах одной территории распространения модели можно встретить основы, которые оформлены разной конечной огласовкой форманта, ср. озера *Eningolambi* (вар. *Eningi-*) в Шалговааре и *Eningijärvi* в Сельгах, озера *Šapšangajärvi* в Сельгах и *Šapšangojärvi* в Лубосалме, *Punangojarvet* в Гагарино и *Punankilampi* в Хайколя, река *Pieningäjogi* в Тужне и озеро *Pieninkiluoma* (Кимасъярви), ср. тут же варианты названия озера *Suksingo* и *Suksingi* в Сельгах, залива *Urpangilaksi* и мыса *Urpenganiemi* в районе Барышнаволока, а также озера *Maininkajärvi* и *Maininki-* в окрестностях Аккалы.

Не наблюдается также устойчивости в употреблении гласных во втором безударном слоге топоосновы при присоединении к ней форманта -nkV/-ngV. Возможно, это может свидетельствовать в ряде случаев о разных истоках основ, закрепившихся в названиях, ср., *Enäangi-/Eningi-*, *Gul'ungo-/Kul'ango-*, *Hemmenki-/Hemmunki-*, *Kuusinki-/Kuusenki-/Kuuzangi-*, *Levengi-/Levingi-*, *Oulanka-/Oulunka-*, *Pirtanki-/Pirtonki-*, *Punango-/Punengo-*, *Urpangi-/Urpengi-*, *Vuavungi-/Vuavangi-/Vuavengi-*.

Говоря об истоках модели на территории Финляндии, Э. Кивиниеми предполагает, что ее корни уходят в доисторическое время, о чем свидетельствуют, по мнению исследователя, как достаточно значительные размеры многих географических объектов, так и неясность происхождения их наименований. Исследователь также предполагает, что часть этимологически неясных названий рассматриваемого типа могла появиться в языке саамского населения, которое проживало когда-то на территории Средней Финляндии. Затемненность топооснов он объясняет как возможной утратой современными саамскими языками соответствующих апеллятивов, так и адаптацией саамских названий языком новопоселенцев, что сильно изменило первоначальный облик саамских топонимов. При этом сам топоформант, по мнению Э. Кивиниеми, может восходить к прасаамскому диминутивному суффиксу -ñdze (*-ñče). Тем самым, этот топонимический тип в Финляндии может являться параллельным прибалтийско-финскому гидронимному типу наименований, оформленных суффиксом -nen. В то же время исследователь предполагает, что целый ряд названий в топонимии Финляндии мог образоваться уже благодаря продуктивному на определенном этапе истории топонимическому суффиксу -nkV/-ngV, который использовался первоначально прибалтийскими финнами для адаптации к своей топонимической системе иноязычных названий [35].

Возможным подтверждением происхождения топоформанта -nkV/-ngV из прасаамского -ñdze (*-ñče) могут являться зафиксированные в топонимии северных частей Беломорской Карелии названия географиче-

ских объектов, в которых параллельно выступают оба представленных выше форманта: ср., остров Uarinkisuari и берег Uarinciranta в северной части Пяозера в окрестностях Костоваары, а также река Rievinki в Тихтозерозерской волости и залив озера Топозеро с названием Rievenci в районе деревни Лохгуба. Как известно, в северных частях современной Карелии саамы продолжали проживать вплоть до начала – середины XVIII в. [36]. При этом саамское население этих территорий перешло на карельский язык естественным путем через процесс билингвизма, что, в свою очередь, стало хорошей предпосылкой для сохранения как старой саамской топонимии в целом, так и ее отдельных структурных элементов, которые были представлены на этой территории в саамский период. Кроме уже отмеченных топонимов на -ncV, названия данного типа фиксируются еще в ряде географических объектов на территории современной Карелии: ср. озеро Imancarvi > *Imancijärvi/Imancajärvi (Янгозеро), возвышенность Kokkancivuara (Коштоваара), ручей Livoncinoja (Крошноозеро), озеро и возвышенность Pizanca (Паданы), залив Povenca (Валасрека), озеро Uomancinjärvi (вар. Uamancarvi) и Uvancarvi > *Uvanci/Uvancajärvi (Ругозеро), река Voivonci (вар. Voijonci) (Каличий Остров).

Предварительный анализ топооснов, оформленных суффиксами -nkV/-ngV, на территории Карелии показал, что их языковые истоки могут быть различными. В связи с этим все топонимы данного типа можно разделить на четыре основные группы. Первая и самая большая из них – это названия с этимологически затемненными топоосновами. Другими словами, их этимологизация не позволяет пока делать каких-либо определенных выводов об истоках языка, в котором они появились. Вторая группа – это топонимы, имеющие с большой долей вероятности саамские корни. К этой группе можно отнести следующие географические названия:

озеро Ķolmanki, остров Ķolmankisuari (Хайколя), остров Jolmanginsuari (Ёлманга) < саамС. Ķoal’bme, саамК. Ķuēlm ‘пролив’; река Enangijogi (Ровкула), озера Eningijärvi (Сельги) и Eningolambi (Шалговаара) < саамК. ædne ‘большой’ [24], река Kiestinkijoki и озера Kiestinkilammit (Кестеньга) < саамК. kiesta ‘заводь, встречное течение’ или производное от глагола саамС. giessat ‘огигать, обходить’ [33], озера Kuolingi (Сельги), Kuoljungi (Чикша) < саамК. kuoll(e) ‘рыба, рыбный’; ручей Kurtangioja (Юшкозеро) < саамС. gurtte, саамИ. kurtte ‘poron kaulaliha’ [37], река Lu(u)zingijogi и озеро Lu(u)zingi (Емельяновка) < саамС. luos ‘лосось’; озера Sapsangajärvi (Сельги) и Sapsangojarvi (Лубасалма) < саамК. šaps ‘сиг’ [38]; остров Uarinkisuari (рус. Заячий) (Костоваара) < саамК. aarri ‘разновидность чаек серого цвета’ [39], Kuusinkijarvi (вар. Kuusunki) (рус. Кувжденьга) (Тумчезеро), река Кувженьга (Ковда) < саамС. guvzá

'таймень' или *kuovsi* 'одногодовой бобр' [40], ручей *Чу́пинка* > (кар. *Су́рpinkа*) (Чупа) < саамК. *šiborröš* 'конец залива'.

К третьей группе относятся топонимы, в которых суффикс *-nkV/-ngV* мог присоединиться к топооснове еще на доономастическом уровне, т. е., другими словами, они содержат один из зафиксированных в карельском языке апеллативов: река *Неммункijoki* (вар. *Немменки-*) (Луусалми) < *hemmungane* 'княженика'; озера *Juomingilammit* и ручей *Juominginoja* (Юшкозеро) < *juominga* 'голубика'; покос *Latinka* (Аккала) < *latinki* 'заряд, патрон', озеро *Maininkajärvi* и река *Maininkijoki* (Аккала) < *mainink/a-i, -o* 'долгая невысокая волна'. В то же время из-за неясной мотивированности появления некоторых из представленных названий не вполне понятно, входит ли в состав этих топонимов готовый апеллатив или данные названия являются омонимичными по звучанию, но не имеющими с апеллативами ничего общего.

Последняя группа представлена топонимами, в которых мы с определенной долей уверенности можем видеть прибалтийско-финские основы, однако, как и в предыдущей группе, не для всех из них можно найти адекватное объяснение, почему тот или иной апеллатив закрепился в каждом отдельном случае. Эта группа достаточно обширна и составляет приблизительно треть от всех названий, оформленных формантом *-nkV/-ngV*. В качестве примера подобных названий можно привести следующие топонимы:

озеро *Šiprinkijärvi* и река *Šiprinkijoki* (Чипринга) *šipri* 'небольшого размера' [41], возвышенность *Gul'ŋ'unganvuara* (Лубасалми) *gul'ŋ'u** < **kul'ŋ'u* 'овраг', порог *Juumingivirda* (Гагарино) *juuma* 'глубокое место в реке', озеро *Kalmungi* (Сельги) *kalma* 'могила', озеро *Korpanki* (Костомукша) *korpi* 'глухой лес' или *korppi* 'ворон', озеро *Ku(i)dringilambi* (Юшкозеро) *ku(i)dri* 'волосы' или *kutru* 'углубление в водоеме' [42], озеро *Krusinkijärvi* (Костомукша) *krusi* 'груздь', покос *Kul'ŋ'ango* (Сондала) *kul'ŋ'u* 'овраг', озера *Kuuksinkolammit* (Лохгуба) *kuukso* 'кукша', озеро *Kuuzingijärvi* (Кимасозеро) *kuuzi* 'ель', озера *Kylmengijarvet* (Сельги) *kylmä* 'холодный', порог *Lavingenkoski* (Коргуба) *lava* 'лабаз', озеро *Lemengi* (Вычетайбола) *lemi* 'топь', озера *Lerongilammit* (Панозеро), озеро *Lerungi* (Пизьмагуба) *lero* 'отдых' или *leppä* 'ольха', озеро *Levenki* (Нурмилакша) *levie* 'широкий', болото *Limingansuo* (Лежево) *lima* 'слизь, рупия (растение)' [43], ручей *Lozungo-oja* (Кузнаволоок) *lozo* 'низкое сырое

---

* О правомочности такой реконструкции позволяют говорить зафиксированные здесь же в Поросозерской волости наименования двух небольших озер с названием *Guikanlambi* < **Kuikanlambi* (Янгозеро, Совдозеро).

место', озера Munankilammit (Войница) muna 'яйцо', река Oulunga (Маслозеро) oulu 'половодье', река Pirtanki (Окуневая Губа) pirta 'бердо в ткацком станке' или pirtti 'изба', озера Punangojärvet (Гагарино) puna 'водворот', озеро Suarvanki (Ухта) suarva 'выдра', озеро Suksingojärvi (Семчезеро) suksi 'льжа', озеро Umangijarvi (Гагарино) и болото Umangisuo (Булдыри) ume(h) 'туман' [44], болото Uzmangisuo (Ужмана) uzma 'пар, туман', возвышенность Uzvangivuara (Пебозеро) uzva 'иной', залив Vezungilaksi (Шуезеро) veza 'поросль, побег', vezakko 'кустарник, куст', озеро Vičankijarvi (Кимасъярви) vičča 'прут', vičikkö 'кустарник', озеро Viijankijarvi (Каменное Озеро) viita (ген. viijan) 'густой ельник', залив Vuavangi (Пильдозеро) vuato (ген. vuavon) 'вешало для сетей', озеро Yränki (Толлорека) уррä (ген. урän), урäkkä 'возвышенное место', поле Варзанка (Нюхча) varza 'жеребенок'.

В ряде случаев вероятность того, что некоторые из названий на -nkV/ngV могут иметь именно прибалтийско-финские истоки, несколько увеличивается, поскольку в непосредственной близости с ними фиксируются географические объекты с теми же топоосновами, но в названиях которых интересующий нас формант отсутствует. Так, рядом с озером Levenki в окрестностях Нурмилакши находится более крупное озеро Leviejärvi, а в озеро Lerungi в районе деревни Пизьмагуба впадает ручей с названием Leränoja. Кроме этого, объективные географические реалии, окружающие объекты с интересующим нас топоформантом помогают в выборе правильной интерпретации того или иного названия. В качестве примера можно привести наименование реки Kuuzengijogi (вар. Kuuzangijogi), впадающей в Тунгудское озеро у деревни Березовый Наволок, которая, по сведениям информаторов, течет по густому ельнику. Это, тем самым, дает возможность связать название с карельским апеллятивом kuuzi со значением 'ель'. Таким образом, приведенные примеры могут, на наш взгляд, свидетельствовать о том, что мы имеем в данном случае дело с суффиксацией.

Подтверждением того, что представленные топонимы могли быть образованы с использованием именно топонимического форманта -nkV/ngV, служит целая серия названий, в которых рассматриваемый нами суффикс или отсутствует, или на его месте фиксируется какой-либо другой топоформант: ср.

Gul'umägi (Кудамгуба), Kul'l'unranda (Топорная Гора), Kalmajärvi (Кургиево), Korpinvuara (Вокнаволок), Kuuksolambi (Кокорино), Kuuzijärvi (Пелкула), Kylmäjärvi (Бабья Губа), Lemijogi (Юостозеро), Losolampi (Тухкала), Oululaksi (Корбинаволок), Pirtajärvi (Чикша), Punalampi (Хайкола), Suksiselgä (Юккогуба), Suarvajärvi (Юшкозеро), Usmajoki

(Хайкола), Uzmakoski (Подужемье), Varsansuo (Войкула), Vesalaksi (Чезозеро), Vicalambi (Линдозеро), Viidajärvi (Лужма), Viijanjogi (Семчезеро), Vuatajärvi (Лувозеро), Vuatosuo (Вонгозеро), Ypäyzojat (Суопасалма).

Этимологически неясные топоосновы, оформленные суффиксом -nkV/-ngV, также нередко сосуществуют в топонимии Карелии как с простыми по структуре вариантами, так и с вариантами, оформленными другими топоформантами: ср.

озеро Āirinki – Āipretinjärvi (Чипринга), река Joutankijoki (Миккола) – ручей Joutenoja (Тирозеро), ручей Kuatrankioja – возвышенность Kuatrankivuara (Хайкола), ручей Kurtangioja – болото Kurtansuo (Пиртозеро), возвышенность Kurtinvuara (Каменное Озеро), озера Möllängilambi (Чиркакемь) – Mollakka (Костомукша), протока Orngivengi (Суопасалма) – болото Ogensuo (Вингигора), ламбина Orjangilambi (Суопасалма) – Orjasvuara (Хайкола), Orja(n)lambi (Рудометово), луда Пундинка (Поньгома) – залив Punduni (Ёлманга), озера Puntamojärvet (Софьянга), покос Punteikko (Аккала), река и порог Rievinki (Тихтозеро) – залив Rievenci (Лохгуба), озеро Suulanki – остров Suuluasuari (Сулоостров), озеро Tipingä – поселение Типиницы (Типиницы), озеро Ulmangijärvi – река Ulmajoki (Логоварака), остров Uarinkisuari – берег Uarinciranta (Костоваара), озеро Vojangi (Суопасалма) – порог Vojassu (Надвоицы), озеро Vuotangi (Малая Тикша) – Vuotanjärvi (Гимола).

Кроме этого, на территории Карелии фиксируется целый ряд случаев, когда в топонимии определенного населенного пункта наряду со сложными по структуре названиями параллельно употребляются формы, детерминант которых заменен формантом -nkV/-ngV: ср. озера Āierpingi = Āierpijärvi (Кургиево), Suulanki = Suuluajärvi (Миккола), Vojangi = Voijärvi (Юшкозеро), река Kolhanki = Kolhanjoki (Ладвозеро). Явление такого плана фиксируется, по всей видимости, и в русскоязычной топонимии, ср., Гаванка (вар. Чаванка) = Гаваностров (Нюхча).

Также обращает на себя внимание и тот факт, что в Карелии многие названия на -nkV/-ngV группируются в относительной близости друг от друга, что, в свою очередь, может указывать на образование данных топонимов по аналогии с наименованием какого-либо объекта, уже содержащего формант -nkV/-ngV. Тем самым, это может свидетельствовать о том, что топоформант -nkV/-ngV был использован имядателем для образования новых названий уже в качестве готовой модели топонимической системы.

Кроме уже перечисленных случаев происхождения названий на -nkV/-ngV возможен и ряд других толкований.

Часть названий рассматриваемого типа в Карелии могла быть перенесена новопоселенцами уже в качестве готовой модели с мест прежнего проживания.

Так, например, среди финского населения в Приладожье в XVI–XVII вв. известно мужское имя Hemming [45], которое, возможно, могло лечь в основу серии названий на Hemmenki- (вар. Hemmunki) в окрестностях деревни Луусалми. Тем самым, данное название могло быть перенесено с той территории, в топонимии которой оно некогда существовало. С другой стороны, оно может свидетельствовать непосредственно о переселении человека или рода, в наименовании которого закрепилось имя Hemming. Перенесенным могло быть и название болота Limingansuo, зафиксированное в топонимии деревни Лежево. На эту мысль наводит значительное количество названий (50) на Liminka-/Limingan- на территории соседней Финляндии. К этой же группе названий примыкает, возможно, и наименование мыса Kujanginiemi в деревне Лужма, находившейся неподалеку от российско-финской границы, поскольку на сопредельной территории Финляндии в районе города Нурмес существует два озера с одноименным названием. Подобные названия известны и в других частях современной Финляндии.

В основе названия залива Urpangalaksi в Барышнаволоке и озера Tiringä в Кузнаволоке могут так же, как и в топонимах на Hemmenki-, скрываться антропонимы: ср., Павел Ортемьев сын Урпин, упомянутый в 1581 г. в Неноксе [46], и поселение Типиницы в Заонежье. Последний из приведенных примеров оформлен топоформантом -ицы, который, как известно, использовался русским населением для адаптации прибалтийско-финских -l-вых ойконимов, восходящих к нехристианским или дохристианским именам [47]. В топонимии Финляндии также рассматривается возможность антропонимного происхождения некоторых названий, содержащих формант -nkV/-ngV: ср. Aninkäinen и Hyvinkää [48].

Иного происхождения могут быть названия исследуемого типа на территории проживания карел-людигов. Так, одно из названий (река Uslonkujogi*) фиксируется на самом юге карелоязычных территорий за пределами ареала распространения рассматриваемого форманта, и, соответственно, данное наименование не имеет с суффиксом -nkV/-ngV ничего общего, кроме звукового совпадения. В названии этой реки закрепился русскоязычный вариант реки Усланка, который восходит к форме *Устьлонка, т. е. устье реки Лонки. Другой пример – ручей Viningä, зафиксированный в ок-

---

* Данный пример не отражен на карте распространения названий, оформленных суффиксом -nkV/-ngV.

рестностях деревни Пелдожа, в котором, по мнению И. Муллонен (устно), могла произойти мена суффикса *-nda/ndä* на *-nkV/-ngV*.

Часть названий на *-nkV/-ngV*, как нам кажется, могла быть усвоена в карельское топонимоупотребление благодаря русской модели на *-н(ь)гV*, которая закрепилась, главным образом, в ряде официальных русскоязычных названий карельских деревень на севере Беломорской Карелии. В связи с этим теперь наряду с карелоязычными наименованиями поселений бытуют параллельные формы, в которых фиксируется рассматриваемый нами топоформант *-nkV/-ngV*: ср., *Jolmanki* (вар. *Jolmoni*) (Ёлманга), *Kormanka* (вар. *Kormani*, *Kormohonkylä*) (Корманка), *Sohjanka* (вар. *Sohjanansuu*) (Софьянга), ручей *Čuupinka* (вар. *Kotijoki*) = Чупинка (Чупа).

В современной русскоязычной топонимии Карелии нами выявлено 16 названий рассматриваемого типа, большая часть из которых фиксируется на побережье Белого моря или в непосредственной близости от него. При этом на русскоязычных территориях топонимы, оформленные формантом *-нга/-ньга/-нка*, так же как и в ареале расселения карел, имеют, по всей видимости, различные истоки.

В научной литературе уже долгое время идет полемика об истоках рассматриваемого суффикса в топонимии Русского Севера. В недавно вышедшей монографии А. К. Матвеев изложил три основные версии происхождения этого форманта, которые сложились в ходе полуторавекового изучения этого вопроса. Он называет их «детерминантной» (терминологической), «аффиксальной» (суффиксальной) и «генитивной» [49].

Можно предполагать, что на русскоязычных территориях Карелии, как и в прибалтийско-финской топонимии, данный топоформант мог использоваться первоначально в качестве модели, с помощью которой русскоязычным населением адаптировались иноязычные топонимы. В качестве примера приведем здесь несколько названий: река Кувженьга в районе села Ковда, поле Варзанга* в Нюхче и озеро Масленга в окрестностях деревни Воронье Озеро. В первом случае в качестве топоосновы мог закрепиться саамский апеллатив *guvža* со значением 'таймень'. Во втором поле находится рядом со значительным по размеру камнем Коничек, название которого может быть переводной калкой с карельского (ср. *varza* 'жеребенок'). В последнем случае русскоязычное название озера в Вычегтайбольской волости является эквивалентом карельскому *Muaseläisjärvi*, в составе которого, как мы видим, формы названия на *-nkV/-ngV* не фиксируются. Возможно, к ним примыкают наименования небольшой речки Чупинки, которая впадает в залив Белого моря с названием Чупа, а также

---

* Камень **Varza(n)kivi* > 1. камень Коничек; > 2. поле Варзанга.

речки Кяменки, вытекающей из Кяменицкого озера. Название последней восходит к наименованию деревни Кяменицы, располагавшейся некогда на его берегу и имевшей в карелоязычной среде название *Kämmälä*. В то же время нельзя исключать возможность и того, что формант *-нья* в русскоязычных топонимах может восходить к словообразовательному или топонимообразующему суффиксу, который функционировал еще в языке-источнике, и являться тем самым компонентом субстратного названия.

Название Кестеньга, являющееся частью деревни Летняя Река, могло быть перенесено на побережье Белого моря уже в качестве готовой модели с территории Кестеньгской волости. На эту мысль наталкивает тот факт, что среди ее жителей фиксируется две фамилии (Югаров и Лошкин), которые были известны среди карельского населения, проживавшего в деревне Кизрека, находившейся на берегу Топозера и входившей в состав бывшей Кестеньгской волости: ср. *Jukaraiset* > Югаров и *Loškaiset* > Лошкин. С другой стороны, данная часть поселения могла быть названа коренными жителями деревни именно по новопоселенцам, переселившимся с вышеуказанной территории.

Одно из названий – остров Юзминги (Поньгома) перешло, по всей видимости, в русское топонимоупотребление из карельского. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, нехарактерная для Русского Севера конечная огласовка рассматриваемого форманта, который имеет явные параллели с топоформантом *-ngi/-nki* на карелоязычных территориях. Тем самым оно может являться по форме карельским наследием в топонимии побережья Белого моря, однако его содержание остается пока затемненным.

В то же время в русскоязычной топонимии фиксируется еще целый ряд названий, о происхождении которых на данный момент также нельзя сказать ничего определенного. Среди них речка Маленьга (Нюхча), урочище Пузенга (Сухое), луда Пундинка (Поньгома-Летняя Река), остров Роганка (Юково), гора Роденьга (Калгачиха), река Рязанка (Данилово), деревня Таваньга (кар. *Tuavo*), остров Чаванка (вар. Гаванка, Гаваностров) (Нюхча), перешеек Чаменьга (Заонежье). Не исключаем возможности, что некоторые из представленных названий вообще не имеют ничего общего с названиями на *-нга/-нка/-нья*, а для их образования использовался русский топонимический формант *-ка*.

На карте распространения названий мы видим, что модель в Карелии имеет собственно-карельские корни. Однако остается пока не до конца ясным, могла ли модель быть принесенной в Карелию с территории Северо-Западного Приладожья или же она появилась уже в топонимии современной Карелии. На карте видно, что на исторической прародине карельского этноса

модель не имеет широкого распространения, что, возможно, свидетельствует о появлении модели в период, когда карельское население уже покинуло свою прародину. С другой стороны, топонимы, оформленные формантом -nkV/-ngV, фиксируются, например, на территории проживания карел, переселившихся в восточную часть Ленинградской области в XVII в.: ср. болото *Kivenkisu* < *kivi* 'камень', покос *Närienkinurmi* < *näre* 'ель'. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о возможном существовании на исторической родине карельского этноса рассматриваемой модели, которая и была реализована новопоселенцами для образования новых названий.

В русскоязычной топонимии Русского Севера западная граница распространения топонимного типа на -нга/-нка проходит в восточной части современной Карелии. Она огибает Обонежье с востока и севера, проходя из восточного Белозерья в бассейн Белого моря и лишь незначительно задевая при этом восточное Обонежье [50]. В то же время модель единожды фиксируется, например, в Заонежье. В целом на основе распространения русскоязычных названий на -нга/-нка/-нга в Карелии можно говорить о том, что все они вписываются в ареал средневекового расселения карельского этноса. Однако вопрос об единых истоках русского -нга и карельского -ngV/-nkV остается пока открытым, поскольку модель на -нга/-нга широко фиксируется в составе многих географических объектов на всем Русском Севере, где основной массив названий этого типа находится между Сухонной, Северной Двиной и Онегой [51]. Таким образом, нельзя исключать возможность того, что южнобеломорские и обонежские топонимы рассматриваемого типа в Карелии могут быть продолжением единого для Русского Севера ареала, а их распространение можно связывать с расселением населения, которое продвигалось в Карелию с востока по р. Онеге*.

Названия, оформленные суффиксами -nkV/-ngV, достаточно рано встречаются в топонимии Карелии и сопредельных с ней областей, свидетельством чему являются различные исторические документы и карты, при этом наиболее ранние из них начинают фиксироваться в источниках со второй половины XVI в.: ср., озеро Енинга (1728) [52]** (кар. *Eningijärvi*) (Сельги), река Кистенга (1552/53) [53] (кар. *Kiestinki*, совр. Кестень-

---

* Л. Хакулинен, рассматривавший апеллятивные суффиксы -nkV в финском языке, отмечает, что соответствия им мы находим среди деминутивных словообразовательных суффиксов в пермской ветви финно-угорских языков [54]. Данный факт, возможно, свидетельствует о единых истоках прибалтийско-финского топониманта -ngV/-nkV и русского -нга.

** Автором используются карты, опубликованные в исследовании Х. Рюткёля 2006: Карта прихода Кайнуу 1650 г. Клаеса Клаессона и Карта Олонецкого уезда, составленная А. Клешиным в 1728 г.

га), озеро Люзенга/Лузенга (1718) [55], Лузенга (1728) [56] (кар. *Luzingi*) (Емельяновка), залив *Munangolax* (1650) [57] (кар. *Munankilaksi*) (Нильмагуба), река Олунга (кар. *Oulunga*) и озеро Олунское < *Олунгское (1591) [58] (Маслозеро), залив Пулонская губа < *Пулонгская (1572) [59] (кар. *Puulonkinlaksi*) (Пулоньга-Кереть), озеро *Wiangojerf* (1650) [60], Виангирви (1728) [61] (кар. *Viijankijärvi*) (Каменное озеро). Приведем также ряд названий, оформленных формантом -н(ь)га, которые фиксируются на Кольском полуострове и в бассейне реки Онеги в Архангельской области во второй половине XVI века: ср., озеро Аренго озеро (1575 [62] (Варзуга), место Варенга (1592) [63] (Кольский полуостров), урочище (? река) Лазбинка (1580) [64] (Умба), река Печенга (1581) [65], речка Чявунга (1575) [66] (Чаваньга), реки Неменга (1559) [67] и Оченга (1572) [68] (бассейн реки Онеги).

Наличие вариантов названий, оформленных формантом -нкV/-нгV и фиксирующихся без него, а также ряд примеров, в которых некоторые из бытующих ныне названий объектов с формантом встречаются еще в документах конца XIX в. без суффикса, позволяют сделать вывод, что формант, по крайней мере, в ряде названий может быть относительно поздним. Это, в свою очередь, подтверждает выдвинутое выше предположение о том, что мы имеем дело именно с топонимобразующим суффиксом, который мог быть продуктивным для образования новых топонимов уже достаточно продолжительное время и участвовать в образовании новых топонимов вплоть до конца XIX в.: ср.

озеро Вотаньяр(ви) (1728) [69] > *Vuotangijärvi* (Кургиево), озера Лостозеро (1591) [70], Лоштозеро (1678), Илоштозеро (1762) [71] > река *Luostanki*, Луосталамби (1876) [72] > *Luostankilampi* (Хайколя), деревня Пешушозеро (1762), Пешушозеро (1795) [73], Пешушозеро [74] > *Piesunki**, остров Сиприн Шари [75] > *Siprinkisuari* (Зашеек), озеро Ульмоозеро (1552/53) [76], Ульмо озеро (1591) [77] > *Ulmangijärvi* (Булдыри), Чюпорчей (1563) [78] > Чупинка (Чупа).

Подводя итог, отметим еще раз, что модель на -нкV/-нгV имеет в Карелии достаточно четко очерченный ареал бытования, совпадая с границами распространения собственно-карельского наречия. Это, в свою очередь,

---

* О происхождении названия деревни *Piesunki* в Вокнаволоцкой волости существует предание. Согласно ему, первопоселенцем деревни был беглый, который поселился на берегу озера с одноименным названием. Он был очень разговорчивым, и его супруга всегда боялась, что он расскажет незнакомым людям о своем прошлом. Поэтому, когда к ним приходили гости, она всегда говорила ему: «*Pie suu kiinni*» – «Держи язык за зубами». Отсюда, согласно информатору, и пошло название *Piesunki*. Предание записано автором в 2004 г. в деревне Вокнаволок.

может быть свидетельством ее появления именно в среде собственно-карельского населения. При этом основной массив названий данного типа концентрируется в центральных частях Беломорской Карелии, а по мере продвижения на юг и юго-восток активность модели несколько падает. За пределами основного ареала данной модели фиксируется только шесть названий, два из которых представлено в топонимии карел-ливвиков и четыре – у карел-людиков. Данный факт может свидетельствовать о вливании собственно-карельского населения на определенном этапе истории в среду карел (прибалтийских финнов), проживавших в южной части современной Карелии. С другой стороны, как было указано, в топонимии карел-людиков природа суффикса может быть несколько иной.

Не получила широкого распространения модель на -нга/-ннга и в русскоязычной топонимии Карелии. Остается пока открытым и вопрос о возможных единых истоках русского и карельского топоформантов. В то же время на основании распространения названий на карте мы видим, что в пределах границ Карелии до начала 20 века намечается определенное противостояние Обонежья, в топонимии которого формант отсутствует, и территорий, граничащих с ним с севера, севера-запада и северо-востока. Тем самым, такая ареальная характеристика имеет под собой явную этноязыковую подоплеку. Это, в свою очередь, все же позволяет говорить о некоем возможном едином ареале типов на -nga/-ngi и -нга/-ннга в Карелии.

Можно также констатировать, что образование названий с использованием этой модели могло быть продуктивным в Карелии уже долгое время, и это подтверждают документы XVI–XVII вв., в которых неоднократно фиксируются названия рассматриваемого типа. На территории распространения собственно-карельских говоров эта модель топонимообразования является достаточно популярной, о чем свидетельствует группа из более 110 названий. При этом наряду со сложными названиями, в целом ряде случаев употребляются и такие, у которых детерминант заменен рассматриваемым формантом. Кроме этого, обращает на себя внимание и тот факт, что многие названия на -nkV/-ngV группируются в непосредственной близости друг от друга, что указывает, по всей видимости, на образование названий по аналогии. Тем самым, можно предположить, что эта группа топонимов обязана своим появлением продуктивному на определенном этапе истории топонимическому суффиксу -nkV/-ngV, который, как было указано выше, использовался прибалтийскими финнами для адаптации иноязычных названий к своей топонимической системе.

Сам формант -nkV/-ngV по своему происхождению может являться прасаамским демунивативным суффиксом -ńdže (*-ńče), который сохранился, на наш взгляд, в нескольких названиях на территории современной

Карелии. При этом в топонимии деминутивное значение данного форманта отстывает, по всей видимости, на второй план и в названиях он выступает, прежде всего, знаком топонима.

Уже было отмечено, что названия, образованные с использованием рассматриваемой модели, имеют разные истоки происхождения. При этом часть основ, оформленных топоформантом $-nkV/-ngV$, предполагает достаточно убедительные саамские или прибалтийско-финские интерпретации, однако большая часть зафиксированных топонимов данного типа остается до сих пор неэтимологизированной. Вызывает много трудностей и вопрос: относится ли суффикс в целом ряде случаев к апеллятиву, содержащемуся в названии, или же он был присоединен к нему в момент образования топонима?

Остается пока открытой и проблема, связанная с появлением модели в топонимии Карелии: не вполне понятно, была ли она принесена карелами с коренных территорий карельского этноса или же зарождение и пик популярности этой модели приходится уже на период после переселения в современную Карелию?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981.
2. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981; Karjalan kielen sanakirja. I–V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.
3. Муллонен И. И. 1994 – Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
4. Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
5. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л., 1965.
6. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л., 1965.
7. Nissilä, Viljo. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. S. 31.
8. Rapola, Martti. Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki, 1966; Itkonen, Terho. Itämerensuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi // SUST. 4. osa. Helsinki, 1968.
9. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
10. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.
11. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
12. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
13. Напр., Kalima, Jalo. Die ostseefinnischen Lehnwörter im russischen. Helsinki. SUST XLIV. S. 234–235.
14. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 64–65.

15. *Матвеев А. К.* Аpellятивныe заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2. С. 32–33.
16. Saarikivi, Janne. Substrata Uralica. Studies on finno-ugrian substrate in northern russian dialects. Tartu, 2006.
17. *Агапитов В. А., Логинов К. К.* Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 61–76.
18. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
19. *Лескинен В.* О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 81.
20. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
21. Saarikivi, J. Über die saamischen Substratennamen des Nordrusslands und Finnlands // Finnisch-Ugrische Forschungen 58. Helsinki, 2004. P. 162–234.
22. Lehtiranta, J. Yhteissaamelainen sanasto SUST 200. Helsinki, 1989. S. 26–27.
23. *Матвеев А. К.* Аpellятивныe заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2. С. 34.
24. *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 231.
25. *Лескинен В.* О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 85.
26. *Муллонен И. И.* История Сегозерья в географических названиях // Деревня Южкогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 12–35.
27. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. II. Екатеринбург, 2004. С. 316, 327.
28. Более подробно история изучения вопроса изложена: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007. С. 8–12.
29. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990; Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994; Karjalan kielen sanakirja. 1–5. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.
30. *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
31. *Kiviniemi E.* Perustietoa paikannimestä. SKS. Helsinki, 1990. S. 64–79.
32. *Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. S. 113, 142, 174.
33. *Räisänen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 5–6.
34. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007. С. 55–164.
35. *Kiviniemi E.* Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Virittäjä. 1980. N 4. S. 335–337.

36. *Чернякова И.* О чем не рассказал Элиас Леннрот... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск; 1998. С. 63; Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. SKST 635. Helsinki, 1995. S. 184; Pöllä M. Vienankarjalainen perhelaitos 1600–1900-luvulla. SKS. Helsinki, 2001. S. 94–98.
37. *Itkonen T. I.* Lappalaisperäisiä paikannimiä suomenkielen alueella // Virittäjä. 1920. S. 8.
38. Nimiarkisto. K. Nickulin kokoelma.
39. *Raisanen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 150.
40. *Salo U.* Suomi ja Häme, Häme ja Satakunta. Hämeen karajat I. Toimittanut Jukka Peltovirta. Hämeenlinna, 2000. S. 28.
41. *Raisanen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 155.
42. *Kiviniemi E.* Perustietoa paikannimistä. SKS. Helsinki, 1990. S. 78.
43. *Räisänen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 70.
44. *Räisänen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 156.
45. *Nissila V.* Suomen Karjalan nimisto. Karjalaisen kulttuurin edistämisaatio. Joensuu, 1975. S. 235.
46. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 156.
47. *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 86–87.
48. *Kiviniemi E.* Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Virittäjä. 1980. N 4. S. 334.
49. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007. С. 8–12.
50. *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 197.
51. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007. С. 42, 269.
52. *Rytkölä H.* Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 22.
53. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 114.
54. *Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. С. 113, 174.
55. *Чернякова И.* О чем не рассказал Элиас Леннрот... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998. С. 59.
56. *Rytkölä H.* Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. С. 22.
57. *Rytkölä H.* Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 77.

58. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 327.
59. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 200.
60. *Rytkölä H. Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 77.*
61. *Rytkölä H. Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 22.*
62. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 68.
63. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 81.
64. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 145.
65. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 277.
66. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 67.
67. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 156.
68. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 13.
69. *Rytkölä H. Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 22.*
70. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 327.
71. *Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 40–41.*
72. Государственный архив Архангельской области, ф. 6, оп. 15, д. 37. Архангельский губернский статистический комитет. Список сельскохозяйственных угодий. 1876.
73. *Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 41.*
74. Государственный архив Республики Карелия, ф. 25, оп. 23, д. 121. Метрическая книга Ухтинского прихода 1906 года.
75. Государственный архив Архангельской области, ф. 6, оп. 15, д. 37. Архангельский губернский статистический комитет. Список сельскохозяйственных угодий. 1876.
76. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 114.
77. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 325.
78. Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Л., 1929. С. 447.